

С глухим стуком тяжелая дверь захлопнулась прямо перед самым носом мужчины.

Чу Вэй равнодушно повернулся спиной к двери. Тратить драгоценное время на спасение этого никчемного старосты? Уж лучше вернуться в комнату и порешать задачи. Выпускной класс на носу, некогда попусту растрачивать силы на чужие глупости.

Чжао Диншань ошарашенно уставился на закрытые ворота, и его лицо мгновенно потемнело. Сопляк малолетний! Как он смеет так себя вести? Тоже мне, великий мастер выискался.

Люди переглядывались в недоумении. Один из стариков, заметив выражение лица Диншаня, со вздохом покачал головой:

— Послушай, Сяо Дин, тебе ведь помощь его нужна. Зачем с порога людей оскорблять? Только дело портишь.

Чжао Диншань презрительно фыркнул:

— Да что в этом сопляке такого особенного? Наверняка нахватался каких-то дешевых трюков и морочит вам головы. Не верю я, что во всем мире больше нет знающих людей, кроме него.

Эти слова задели собравшихся сельчан. События последних дней еще свежи в памяти. Если бы не Чу Вэй, от деревни бы камня на камне не осталось, а этот городской выскочка смеет утверждать, будто их одурачили!

К тому же то, что произошло в деревне, должно было остаться строжайшей тайной. Подобные вещи лучше улаживать по-тихому, среди своих. А судя по гонору Диншаня, он вознамерился созвать чужаков со стороны. Но как потом объяснять посторонним всю эту чертовщину?

Старик Чжао сердито застучал тростью по каменистой тропинке:

— Глупец! Ты что, всю деревню в могилу свести хочешь своими разговорами?

Окруженный недовольной толпой, Чжао Диншань помрачнел еще сильнее. Он — человек бывалый, повидавший жизнь в большом городе, а его заставляют кланяться в ноги какому-то несовершеннолетнему пацану. Неслыханное унижение!

Вытащив из кармана мобильный телефон, он резко развернулся и зашагал прочь от дома Чу Вэя, бросая на ходу:

— Я столько лет в городе кручусь, неужто не найду толкового мастера? Не делайте из мухи слона, дело-то копеечное.

Люди лишь со вздохом провожали его взглядами. Староста всегда отличался умом и рассудительностью, как же его единственный сын вырос таким заносчивым гордецом?

Чу Вэй, пообещав себе не вмешиваться, выбросил из головы мысли о деревенских неурядицах. Запершись в своей комнате, он с головой ушел в учебу.

Благодаря природной смекалке, цепкой памяти и укрепленному медитациями разуму школьная программа давалась юноше без особого труда. Однако легкость не означала праздность — Чу Вэй трудился упорнее любого из сверстников. Сколько бы лет он ни удерживал звание лучшего ученика школы, в его сердце не было места тщеславию. Для него это было естественным порядком вещей: если берешься за дело, делай его безупречно.

День пролетел незаметно: от первых утренних лучей до багрового заката.

Разобравшись с очередной стопкой экзаменационных тестов и приборов на столе, Чу Вэй устроился на постели, скрестив ноги, чтобы восстановить силы и направить потоки внутренней энергии.

Прикрыв глаза, он невольно вспомнил предостережение шифу.

«Тратить жизненные силы и применять опасные техники ради людей, которые и ломаного гроша не стоят... Какая глупость. Неудивительно, что шифу так рассердился. Сам ведь напросился на неприятности».

Стоило ему погрузиться в медитацию, как сумерки быстро сгустились над уездом, уступая место безмолвной ночной прохладе.

Однако в доме старосты ночь принесла лишь новые страдания и плач.

Жена старосты, в слезах выбежав из кухни с тяжелой скалкой в руках, в ярости замахнулась на Чжао Диншаня:

— Да ты, видать, только и ждешь, когда отец дух испустит! Глаза разуй, посмотри, на кого он похож! Еще день-два — и хоронить его будем!

Диншань стоял чернее тучи. За весь день он оборвал телефоны всех мало-мальски знакомых людей, но его городской круг общения состоял из обычных торговцев да дельцов. Никто из них и слыхом не слыхивал о настоящих мастерах фэншуй или экзорцистах.

Состояние старосты тем временем ухудшалось с каждым часом. Тело несчастного, из которого злой дух выпил все жизненные соки, высохло и напоминало обтянутый кожей скелет. Он все еще дышал, но так и не приходил в сознание.

Однако гордость не позволяла Диншаню снова пойти на поклон к сопляку. Измученная страхом и бессилием мать в конце концов окончательно потеряла самообладание.

Жена старосты со слезами на глазах закричала:

— Кроме Чу Вэя, твоего отца спасти некому! Из-под земли его достань, умоляй, ползай на коленях, но без него домой не возвращайся!

— Мама, да он же просто сопляк! — вскипел в ответ Диншань. — Предлагаешь мне, взрослому человеку, перед ним унижаться? Куда мне потом свою гордость девать?!

От этих слов его мать пришла в неопишемую ярость. Тяжелая скалка с глухим стуком опустилась на спину сына:

— Гордость?! Твоя паршивая гордость важнее жизни отца?! Если с ним что-то случится, забудь дорогу в этот дом! Чтобы ноги твоей здесь больше не было!

В доме старосты поднялся крик и переполох. Не в силах перечить разъяренной матери, Диншань, чертыхаясь про себя, нехотя поплелся в сторону усадьбы Чу.

Он по-прежнему не верил, что юнец обладает хоть какой-то реальной силой. Но на этот раз, сколько бы он ни стучал и ни звал хозяев, ворота оставались наглухо закрытыми.

Диншань и не подозревал, что на обратной стороне забора Чу Вэй предусмотрительно закрепил Талисман Безмолвия. Теперь хоть из пушки пали под окнами, в самом дворе не услышали бы ни единого звука.

Чу Вэй провел в медитации всю ночь. Когда первые лучи рассвета коснулись его лица, он открыл глаза, чувствуя невероятный прилив сил и ясность ума.

Однако стоило ему раскрыть ладонь, как взгляд упал на стеклянный шар. Поверхность сферы потемнела еще сильнее, наполнившись густой, клубящейся чернотой. Скрытая внутри злобная аура рвалась наружу, готовая в мгновение ока поглотить каждого, кто окажется поблизости.

Чтобы рассеять столь древнюю и глубокую обиду, виновникам придется самим искупить свои грехи.

Тем временем у ворот деревни показался Чжао Диншань, причем не один, а в сопровождении двоих буддийских монахов.

Из-за бессонной ночи лицо мужчины осунулось, но в глазах горел торжествующий огонек — он явно гордился тем, что сумел отыскать «настоящих» мастеров.

— Сюда, почтенные мастера, прошу вас, — угодливо лебезил Диншань, указывая дорогу.

Обоим священнослужителям на вид было около тридцати. Одеты в охристые одеяния и накинутые поверх легкие кашаи, они неторопливо перебирали четки в руках, всем своим видом демонстрируя отрешенность от мирской суеты.

На приветствие провожатого они чинно ответили негромким «Амитабха» и переступили порог дома старосты.

Но стоило им зайти внутрь, как высокий монах нахмурился и вполголоса заметил:

— Мирянин... в твоём доме слишком сильна темная аура Инь.

Эти слова мигом убедили Диншаня в том, что перед ним не шарлатаны, а подлинные мудрецы. Он поспешно заговорил:

— Все верно, мастер! В наших краях творится настоящее безумие. Если бы не ваша милость, даже не знаю, как бы мы совладали с этой бедой.

Монах пониже ростом повернулся к собрату:

— Старший брат, тебе удалось что-то разглядеть?

Тот покачал головой:

— Нужно взглянуть на больного.

В душной спальне на постели лежал староста. Болезнь иссушила его настолько, что под тонкой кожей отчетливо проступали кости. Грудь его слабо вздымалась, но это дыхание больше походило на предсмертные судороги.

Монахи при виде умирающего переглянулись и поспешили к кровати.

Старший из них осторожно осмотрел несчастного, после чего с тяжелым вздохом покачал головой, давая знак младшему. Повернувшись к замершему в ожидании Диншаню, он негромко произнес:

— Выйдем во двор, почтенный. Там и поговорим.

У Диншаня похолодело внутри. Бросив тревожный взгляд на убитую горем мать, застывшую у изголовья мужа, он послушно поплелся следом за гостями.

— Мы осмотрели твоего родителя, — сокрушенно произнес высокий монах, едва они вышли под открытое небо. — Увы, наши силы здесь тщетны. Мы бессильны помочь.

Несмотря на благообразный и мудрый вид гостей, их приговор прозвучал для Диншаня как гром среди ясного неба:

— Как же так?! Но ведь он еще дышит! Он жив!

— Злая аура Инь проникла слишком глубоко, поразив сами внутренности почтенного старца, — пояснил монах. — Темная сила почти до капли выпила его жизненную энергию ци.

Диншань впервые сталкивался с подобными понятиями. Раньше рассказы соседей о призраках казались ему деревенскими бреднями, но слова просвещенного монаха заставили его содрогнуться от подступившего страха. Осознав, что отец действительно находится на краю могилы, он окончательно растерял былую спесь:

— Неужели совсем ничего нельзя сделать? Должен же быть хоть какой-то способ!

Буддист на мгновение задумался, прежде чем ответить:

— Способ есть, но он крайне труден.

Глаза Диншаня вспыхнули надеждой:

— Прошу вас, скажите! Мы испробуем все, чего бы это ни стоило!

— Необходимо отыскать первоисточник этого проклятия и упокоить мятежный дух ритуалом великого освобождения. Лишь тогда темные пути спадут с твоего отца. Однако вернуть ему прежнее здоровье и крепость тела уже не удастся.

Но легко сказать — отыскать источник! Кто в здравом уме способен выследить и обуздать беснующуюся тварь из загробного мира?

Из дверей дома медленно вышла жена старосты. Опухшими от слез глазами она уставилась на сына. Диншань с малых лет рос упрямым и своенравным, но матери и в голову не могло прийти, что он сохранит свою спесь даже перед лицом неминуемой гибели отца.

— Все этой беде указ один — Чу Вэй, — глухим, дрожащим голосом произнесла женщина. — Коли твоя гордость мешает тебе поклониться ему, я сама пойду. Но если твой отец умрет из-за твоего упрямства, можешь больше никогда не возвращаться под отчий кров.

Хоть Чжао Диншань и успел набраться городской корысти, сыновний долг для него не был пустым звуком — не зря же он мчался из мегаполиса по первому зову родителей. Слова матери больно задели его за живое, вызвав лишь глухую досаду:

— Да ходил я вчера к нему! Стучал до полуночи, ладони отбил — никто и ухом не повел! Что я еще сделать-то могу?

— Чу Вэй — добрый мальчик, он бы не стал прятаться просто так, — отрезала мать. — Иди снова. И пока не приведешь его, на глаза мне не показывайся.

Сгорая от досады и бессильной злобы, Диншань сжал в руке телефон и быстрыми шагами направился прочь со двора.

Проводив его взглядом, монахи недоуменно переглянулись и обратились к измученной женщине:

— Простите за любопытство, матушка, но кто этот Чу Вэй, о котором вы говорите с таким упованием? Неужто в ваших краях живет скрытый мастер великого пути?

Однако жене старосты было не до праздных расспросов. Да и другие сельчане, помня недавний урок с даосом-мошенником, посматривали на новоприбывших священников с изрядной долей подозрения и предпочитали держать язык за зубами.

Изначально монахи планировали покинуть деревню, но загадочный юноша, способный справиться с тем, что оказалось им не под силу, пробудил в них живое любопытство. С молчаливого согласия хозяев они устроились в тени ветвистого дерева на краю двора, решив дождаться развязки.

А виновник всеобщего переполоха в это самое время преспокойно сидел на раскидистой ветке старого дерева в собственном саду. Примостив на коленях планшет с тетрадью, Чу Вэй был полностью поглощен решением сложнейших уравнений.

Настойчивый стук в калитку прервал мирную тишину усадьбы. Дедушка Чу Вэя, дремавший под навесом, со вздохом оперся на свою верную клюку и не спеша заковылял открывать. Щурясь от яркого солнца, он долго вглядывался в стоявшего перед ним мужчину, прежде чем спросить:

— Тебе кого, милоч?

Диншань прекрасно помнил, как вчера перед его носом захлопнули дверь, и внутри у него все клокотало от обиды. Но отступить было некуда. С трудом подавив гордость, он нацепил на лицо самую услужливую улыбку, на какую только был способен. Он очень вежливо произнес:

— Доброго дня, дедушка! Мне бы Чу Вэй повидать. Он дома? Дело у меня к нему безотлагательное.

Старик внимательнее присмотрелся к незваному гостю:

— Постой-ка... Никак, сынок старосты, Диншань?

— Он самый, дедушка. Так Чу Вэй дома? Мне бы поговорить с ним, вопрос жизни и смерти.

Дедушка дураком не был и прекрасно понимал, зачем городской щеголь явился на порог его дома. Он своими глазами видел, как эти неблагодарные люди обошлись с его внуком после того, как тот спас всю деревню. Чу Вэй затаил обиду, но старик сердился на них ничуть не меньше. Его любимый мальчик, рискуя собой, отправился в проклятую рощу, вернулся оттуда бледный, кашляющий кровью, а эти бездельники даже доброго слова ему не сказали, не говоря уже о простой человеческой благодарности!

А теперь, когда прижало, прибежали как ни в чем не бывало. Ну уж нет, легкой жизни они не дождутся.

Старик недоуменно махнул рукой:

— Нету Вэйвэя. Ушел гулять с утра пораньше, а куда — не докладывал.

Лицо Диншаня вытянулось, но он из последних сил сдержал рвущееся ругательство:

— Дедушка, а позвонить ему как-то можно? Связаться с ним?

— Нельзя, телефона у него с собой нет, — отрезал дед. — Да и зачем он тебе? Наш Вэйвэй — обычный мальчишка, школьник еще. Что он в ваших делах смыслит? Все эти его фокусы — просто баловство да ребячество. Ступай себе с миром, не трать время на пустые разговоры, ищи настоящих врачей для отца.